

Фобос Глюк

Библиотека классической и современной прозы

Фобос Глюк

Пленники Цирцеи

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Глюк Ф.

Пленники Цирцеи / Ф. Глюк — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907379-06-0

Остатки человечества, потерявшего Родину, рассеяны по бескрайним просторам космоса. Они стали нежеланными гостями, кочевниками с лицемерным статусом граждан Галактики. В поисках нового дома человек, потерявший даже собственное имя, по прозвищу Фобос Глюк, Сладкий Страх, отправляется в неизвестность. Что ждёт его? Мир несовершенных грёз? Гениальный друг? Вечная любовь? К чему ведёт путь разочарований?

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907379-06-0

© Глюк Ф., 2020
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Начало излома	6
Глава 1. Долгие проводы	12
Глава 2. Дорога никуда	17
Глава 3. Почти как дома	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Фобос Глюк

Пленники Цирцеи

© Фобос Глюк

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2020

* * *

Посвящается Эдуарду Вагановичу Васкерсяну, Элизе Константиновне Елтанской, Варваре Георгиевне Зурнаджиевой и Майе Ивановне Полябиной, учителям, научившим меня думать.

Начало излома

Эта невероятно запутанная история берёт своё начало не от моего рождения и не от вялого краха отчего ветхого Мира, а от плоской шутки в дождливый будний день.

– Фобос, вы всё убедительней похожи на своё прозвище. – Безмерно чуткий шеф вынырнул из-за моей спины, приложил тыльную сторону ладони к границе моего нимба, ведомой только ему одному и, побледнев, продолжил. – Жду вас на работе завтра в восемь со свежими и позитивными мыслями. Для чувства юмора одного чувства недостаточно. Требуются ещё ум и вдохновение. Страх от головокружительного предчувствия восхождения, взлёта должен быть сладким. Сущая победа должна пробуждать сладкий страх невероятности. Мне пригодится алмаз, а не размазня...

– Я знаю, какой парень принесёт успех компании. К рассвету я его добуду, – посулил так, будто за подобные обещания и выдавали регулярные щедрые жалования.

Неврастеничкой судьбой дарованы почти целые сутки. Снял отпечатки времени с экрана мобильного телефона. Двадцать три часа двадцать три минуты в запасе. Удосужусь без суеты и спешки горы свернуть, да ещё чёртову дюжину чашек кофе осушу, с сигаретой нацелуюсь и предаться мечтам успею. Но первым делом выброшу вздор и панику, очищу просветлённую, просвещённую голову и великодушное, ранимое сердце от драгоценного мусора до стерильного вакуума. Утешено и безоглядно вывалившись за порог, я мгновенно промок, продрог и потерял ориентиры. Помнил, что ближайшее укрытие примерно в двух кварталах. Как о нём отзывались коллеги – маленькое кафе с замашками большого ресторана. Загадочно-чуждое для большинства обывателей название «Анатаз» выдавливало ироническую улыбку. Кажется, у древних греков сие слово обозначало удивление, а у геологов – камень, медово-жёлтый с алмазным блеском. Явный, неприкрытый рекламный трюк. Как говаривал старина Бисмарк: «Чем больше замысловатых непонятностей, тем сильнее народ к тебе тянется». Бисмарком мы дразнили шефа, крошащего неистощимый переизбыток невнятной мудрости духовно оголодавшим согражданам, точно сдобную булку уличным голубям. В данном случае, когда всё было ясно, кроме того самого божьего дня, он бы изрёк: «Ведаешь, что нельзя, а идёшь, следовательно, мы, Николай Второй, а не Фобос Глюк. И то, что для иных – проклятие, для тебя – судьба!» Предчувствие не то чтобы не подвело, однако вряд ли оправдалось. Оно сбылось, поскольку помешать, переиначить, скорректировать я не горел, не тлел и не отбрасывал тени. Безнадёжная примитивность – тщедушно довериться мутному течению, наречь чёрствой судьбой и виновником бед заодно.

– Похоже, вас к нам пока не заносило ни лихим ветром, ни ливнем безысходности.

– Похоже на то. Коварное утро! К вам зашвыривает либо разгул стихии, либо шальных денег. У скромных тружеников в мирное время крыша едет в другую сторону. Не до шипу. – Язык – враг. Договорюсь незамедлительно, точно прогонят.

– Добро пожаловать! Согрейтесь. Просушите одежду. А мы от чашечки кофе не обедеем. По восточноевропейским слухам, в этакое ненастье хороший хозяин собаку на улицу не прогонит. – Я бережно втянут под навес. – Притча есть. Схватился тонуший утюг за бесплатную соломинку. И всё ровно пошёл ко дну. Понял, что жизнь дороже. Деньги и рыбу в лодке считать не принято. Сочтёмся.

– Ну, за порцию согревающей бодрости я и сам готов отдать полцарства, особенно когда не все дома, без царя в голове. – Шутки не клеивались, но для творческой разминки всецело годились.

Дождь принял в мокрое братство. В подтверждение стекал ключами, ручьями и водопадами. Он на три четверти состоял из меня, а не наоборот. Я медлил, не лить же лужи в заведении. Зазывала что-то напряжённо обдумывал.

– Так и быть, приглашение принято всерьёз и надолго. – Если понравится, использую для деловых встреч. Окапало пряным кофейно-десертным теплом. Звуки, похищенные у райских птиц, свивались в экзотические мотивы, подсознательно принуждая следовать за продолжением. Психическая гравитация.

– Превосходно! Двойной заказ. Первая чашка за наш счёт. Вторая порция оплачивается гостем. Интересно, что окажется вкуснее. Поделитесь наблюдением.

– А уксус у вас не подают? – И только тут я разглядел вышедшего мне на встречу официанта. Миниатюрный азиат, скорее всего вьетнамец, широко и искренне мне улыбался. Его мимика дезориентировала, но незначительно. За яркой лицевой вывеской: «Рад по-человечески» маячил огонёк: «Ты-то, дружок, мне и нужен».

– У нас всё возможно. Столик вон в том углу отныне ваш. – Он предупредительно забрал плащ, предварительно напомнив изъять из собственных карманов всё необходимое для приятного отдыха. Я вольготно угнезвился лицом к прозрачной стене, за которой по-прежнему суровое ненастье бесцеремонно помыкало миром людей. И вдруг пейзаж сменился. Ленивое чужое море переставляло друг через друга тяжёлые рассыпчатые волны, таинственно подбираясь к зеленоватому песку. Я вздрогнул от неожиданности. Несколько раз моргнул. Но так и не смог согнать морок. Более того, видение прояснялось. Через несколько мгновений на горизонте нарисовалась голова стремительно выгребавшей к берегу девушки. Завораживающий эффект её движений объяснялся не только неизвестным мне стилем плавания, но и шестирукостью неземного, без сомнения, прекраснейшего создания. Иссиня-чёрный шторм белозубо скалился пенными гребешками, глотая, закручивая и вышвыривая упрямую спорщицу. Она же откровенно наслаждалась.

– Видеопанно что надо! Способствует обретению утончённой свежести эмоций! – выпалил я вслух, так как сдерживаться больше был не в состоянии. Заметно потеплело. Даже в пот бросило. Азарт болельщика, или солёные брызги оросили?

– Данное зрелище доступно не всем. Посетители за вашей спиной не уловили перемен. – Я обернулся. Мой гостеприимный спаситель мягко переступал с ноги на ногу, словно вальсируя с подносом. Кроме обещанного ароматного питья, прибыли вазочки и блюда с десертами. Посуда из тончайшего фарфора источала мягкое внутреннее свечение. Содержимое своенравно подчиняло рецепторы, повергая меня в нечеловеческий голод. Я слышал почти ангельское пение и музыку блюд. Обоняние перевоплотилось в осязание, зрение и слух. Или мне так только грезилось? Неужели галлюциноген? Если на протяжении двух недель смиряться с диетой студента, обваливаются неприятности и гораздо хуже ложного восприятия.

– Так вы на полноценный обед раскрутите, – я не удержался от ядовитой колкости. – Одна беда – бегаю не лучше, чем оплачиваю. Догоните – не переживу.

– Да, было бы неплохо начать с чего-нибудь более серьёзного. Но не в вашем случае. – Он не придавал значения моей ироничной интонации. А пожилая парочка за соседним столиком противно захихикала. Пришлось снова повернуться лицом к потустороннему, не нашему пейзажу. Пластица уже сидела на берегу, улыбочиво терзала меня сумеречно фиолетовым взглядом, размашисто приветствуя верхними и средними конечностями. Капельки чужого моря, сильно отставшие от общей группы, тусклыми метеоритами с зеленовато-золотистых волос внедрялись в переукрашенный в бронзовые тона искристый песочек. Излишне покорные звуки.

– Так что это? Имитация? Согласитесь, море, капли, птицы похожи на наши, но другие, сомнительные, недоработанные, что ли? Даже цветовая гамма у них какая-то непостоянная, неустойчивая. А девица так вообще из легенды, – не унимался я.

– Для вас и меня – смотровая витрина в другой Мир. А для форточника – просторное окно в эту реальность. – Официант кому-то приветливо кивнул как старому приятелю и многозначительно улыбнулся. Он безукоризненно перевоплотился: костюм, бабочка, белоснежная сорочка не подчёркивали в нём гарсона, а обаятельно, с тонким, таинственным шармом отте-

няли лукавого бизнесмена, юриста, дипломата. Многогранная, наделённая талантами неординарная личность, гибкая, скользкая тень, оборотень, заблаговременно усвоивший клиента досконально и неприметно.

– У вас не занято? Позвольте присесть за ваш столик? – Новый собеседник проявился, сгустился из воздуха, насыщенного парами и таинствами, незримо и бесшумно, но как будто вполне ожидаемо. Случайное попадание претендовало на нелепо замаскированные переговоры, невесть с кем и на какую тему. А плевать.

– Да, безусловно. Как раз такая компания мне необходима. Вы и есть тот самый форточник? Неужели прививка против коралловой лихорадки подействовала? – вспомнил я недавно прочитанный рассказ о ныряльщике, навсегда потерявшем берег. И усомнился, поймёт ли шутку? Испытываю неловкость, когда смеюсь один.

– И без неё не обошлось. Она ослабила сопротивляемость барьерным состояниям. Простите, Вам данные термины ни о чём не говорят. Хотя про ныряльщика вы уже знаете. Наша фантастика старая, как ваш Мир. Не подвергайте сомнению, книги – непревзойдённые, ловкие и пронырливые форточники. Крадут и мысли и души. Я Чжуоу. Бог. – Он мгновенно отредактировал черты лица, фигуру, одежду и голос. Детали затуманивались и затем плавно проявлялись иначе. Другие фрагменты внешности перерождались на глазах, мерцая и извиваясь. Но мне, увы, не вспомнить и логически не воссоздать природу его гуманоидных, антропоморфных трансформаций. Задача элементарная и удобопонятная – дезинформировать, сбить с толку. Впрочем, и я не нацеливался обогащать оригинальным типажом его личный банк друзей, приятелей, востребованных компаньонов и неслучайных знакомцев. Минимум половина из них утратила актуальность и значимость. В светлой голове, доставшейся тёмному примату, намечалась генеральная чистка обжитого и пропитанного пылью главного архива.

– Фобос Глюк, тоже Бог в каком-то смысле, в общих чертах.

Мы дружно рассмеялись, точно знакомы были давно и понимали друг друга лучше, чем самих себя.

– Я не рвусь в гости в иную вселенную, созданную лично Чжуоу. Но жажда убеждений требует реального на вкус и на ощупь сверхчеловеческого чуда. Ложные образы, ощущения и прочий морок не в счёт. Условились?

– Не позволю являть фокусы. Хотя овладеть двумя-тремя стоящими трюками неистово хотелось.

– Что ж извольте! – Две пары рук встряхнули воздух. Похоже, он соплеменник заслоняемой им теперь красавицы. Да, вот ещё две конечности извлекли из-за его головы небольшую резную шкатулку оранжевато-кремового дерева. – Коснитесь кончиками пальцев крышки. Прикройте веки. Представьте что-нибудь съедобное. Почувствуйте запах, вкус, цвет продукта. Я тоже большой почитатель Макса Фрая. Нет никакой щели между мирами. Есть материализация вещей из памяти и воображения. Дефекты предмета, который вы достанете через несколько минут, неизбежны. Они отразят погрешности вашего представления о пространстве, Мирах и природе вещей. Теперь о вкусах можно поспорить. Угостите, и я почувствую то же, что и вы. Кстати, всё одушевлённое воспроизводится легче, ведь вы вкладываете свою душу. Но, к величайшему сожалению, живые и мыслящие искажения нам всегда дороже обходятся. Душа человека бессмертна и почти всегда бесплодна. Боги же зачастую теряют её в родовых муках. Ну, про спекуляции в данном сегменте рынка я поведаю в другой раз. А сейчас сосредоточьтесь.

Он надолго умолк. Когда я окончательно сформировал мысленную модель вкусняшки и поднял крышку, стыд и удивление затуманили мой разум. Сладкий страх рассеялся, и моему взору предстала глупая сценка: по миниатюрному помещению из угла в угол, будто заключённый по тюремной камере, ползала неаппетитная паукообразная букашка. Я осторожно нахло-

нил радующее пальцы вместилище творений, и на моей ладони, значительно прибавив в размерах, оказался бесформенный колючий хомяк с выгнутыми вперёд рожками.

– Вот чёрт, обломался. – Окаменевшими созвучиями выпало у меня.

Как я был раздосадован! Приходящие на ум поговорки ехидно грохотали в голове адскими насмешками. При чём тут первый блин, который всегда комом? Назвался Богом, полезай в шкатулку. И каждый твой блин – первый в значении лучший. Едва удержался от детоубийства.

– Я и не предполагал, что он так выглядит, – ободряюще расхохотался мой наставник. – У каждого свой чёрт. Но, уверяю вас, это – не он. Воображение тоже нуждается в систематических тренировках, – откашливаясь, сквозь смех прохрипел чужой Бог. – Тяжелы руки и помыслы молодого творца. В его голове заточены мысли. Джин в тесной лампе отвыкает от тонкой работы. Чудотворную шкатулку пока придётся дразнить табакеркой.

– Неподражаемые идиоты! Сотворили хрен знает что, а теперь прикалываются. – Приподнявшись на задние лапки, вознегодовал зверёк. Но вместо того, чтобы убежать, разлёгся между кофейными чашечками. Экзотический бифштекс не иначе.

– Вам потеха да забава, ну а мне – дурная слава, – продекламировал продукт праздного легкомыслия. Выдержал театральную паузу и, приподнявшись на локтях, добавил, – Не сбегать душе от нрава ни налево, ни направо. Худо, бедно, скучно, бледно, но над пропастью победно. Есть одна у нас стезя – там нельзя и тут нельзя. Гениальность перекрывает неполноценность. Прирождённый поэт. А вы, шуты гороховые! Мне смерть на дуэли, вам – вечный позор. – Он наконец унялся.

– Считаю плюсы и минусы. Живой, разумный, прикольный литератор, неспособный обитать ни в одном из уже существующих Миров, кроме этой коробки. Впускай его обратно, пока не зачах, но прежде дай имя. Загорись пообщаться – окликнешь. Второй минус – мы без подписей и страшных клятв несём ответственность за одушевлённые творения. А сколько сил уходит? Теперь к делу.

– Я буду откликаться на имя Чёрт, – встрял смешной комочек, нырнул в убежище и бесследно растворился в чернеющей пустоте.

Чжуоу установил шкатулку доньшком на стол, быстро прикрыл, коснулся кончиками пальцев крышки, и одно за другим перед нами высыпали, столпились неведомые земным гурманам блюда.

– Потренируетесь на досуге, если примете моё предложение. – Он многозначительно заглянул мне в глаза и продолжил. – Вы совсем не цените своё время. Транжирите, коротаєте и просто убиваете его. А между тем, для нас, бессмертных, оно бесценно, равно как для вас – эта волшебная вещичка. Оно – энергия с обратным вектором, которая позволяет вернуться и вернуть... – Он на мгновение призадумался. – Буду проще, дарите один день из вашей жизни. Любой из прожитых отрезков, кроме рождения, хотя при определённом раскладе тоже подойдёт, поскольку наша встреча предрешена и неизбежна. За это я наделяю сверхъестественной способностью, одной реальной на выбор. Летать, проходить сквозь стены, исцелять, воскрешать, не бояться ядов, производить их из чего угодно и где удобно, даже в собственном организме. Любой талант устрою мигом.

– А если я пожертвую день смерти? – На мой привередливый вкус острота удалась. Получить вечность и океан штучных сюрпризов в придачу. Что может быть круче?

– И сами не ведаете, какой щедрый вы авантюрист. Для вас, мой друг, барышня с косой – судьба, жребий, неизбежность. Она очень ответственный исполнитель, следовательно, назойлива и неотступна. Поцеловавшись раз с надёжно запертой дверью, она придёт ещё и ещё, чтоб поискать окно, форточку, лаз. Попытки взломов, подкопов, подрывов почти бесконечны, пока не исчезните или не станете Богом. А посему вместо одного дня Фобос Глюк мне предлагает полноценный абонемент на подзарядку. Тот, от кого зависят Боги, волей-неволей стремится

вознестись над ними. В нарастающих желаниях трудно не скатиться до Люцифера. Вам это имя знакомо? Несущий свет ослепнет духом и в одно ярчайшее время всерьёз и на веки веков провозгласит персональный мрак светом истинным. А судьба не позволит ни насладиться бытием, ни расквитаться с ним. И не потому, что перевернана многократно, мстительна. Ох, злодейка не извиняет того, кто её изменяет. Неужели согласитесь на столь неподъёмную ношу? По плечу-новейший крест? Золото – металл дорогой, но тяжёлый. Наш договор обратной силы не имеет.

– Если смерть – барышня, пусть побеждает, пострадает, налепит из горячих слёз красивых стихов да песен. Уж как сестрицы её надо мной тешились! Пора отыграться.

Я беззаботно подцепил на вилку ярко-зелёный ломтик с нотками полыни, арбуза и морского ветра. Проглотил не разжёвывая, лакомство быстрее сахара растворялось во рту. Как послевкусие пробил озноб, волнение и горечь преломились во мне и заиграли тончайшим лезвием радуги.

«Выходит, я – магический кристалл, а это яство – свет звезды далёкой? Пока твой друг жевать не перестал, не лебези, не хлопочи, не okay».

Сочинил экспромт, а вслух спросил:

– Чжуоу, будьте любезны, откройте непостижимую тайну блюда диковинного. И начните с его имени, – просительно потряс освободившимся столовым прибором.

– «Искушение Богов». Способствует творческому всплеску. При регулярном употреблении развивается в гениальность. Неотвратимо вызывает привыкание, переходящее в зависимость. Побочные действия: успех, слава, зазнайство, грехопадение. Противопоказано кормящим матерям. Отпрыски толстеют, наглеют.

– Я целиком и полностью союзен. Просто прописная истина. Пальчики оближешь!

– Тогда Чёрт объяснит систему более щедрой оплаты за столь романтическое бескорыстие. Что ж, по рукам! – Мягко обволакивающее рукопожатие.

Чжуоу на ходу протянул официанту чек, торопливо пояснив:

– Сдачу ему, – кивок в мою сторону. – Мне пора. Да и с деньгами я не дружу. Они предатели, секстою, провокаторы, монстры, притворяющиеся бумажками.

И тут же исчез, будто и не появлялся. Обстановка и настроение восстанавливались в банально прозаичные тона. Вернулся маленький улыбчивый азиат с двумя чемоданами сдачи наличными. Теперь торжественность его вида кричала: «Сделка состоялась. Ура!»

– Такси ждёт вас. Пойдёмте, я провожу. – Заботливо упрятал мою разнеженную уютном плоть в новенький плащ. Вопреки нетронутой этикетке, вещь объявилась моей прежней. Мы признали друг друга, заранее сравнившись теплом и запахом. Но словно кто-то переписал её биографию. Вместо детского дома, именуемого швейной фабрикой, торжественно значилось: «Накидка из шерстяного сукна сотворена и воспитана великим мастером, настоящим Богом портняжного искусства». Шляпа и зонт молчаливо навязывали трогательную легенду о том, кем и когда они подарены. С предметами гардероба неадекватно спорить. Зато подавальщик обязан истолковать неуместную, услужливую благодетельность.

– Кто же вы? – не удержался я. – Откуда столько блаженного глянца и оптимизма?

– Хранитель договора, свидетель и судья. Чжуоу обеспечивает безбедную жизнь моей семье. А Фобос Глюк делает её вечной. Пока договор в силе, многочисленная родня хранителя, как и он сам, здравствуют, ни в чём не нуждаясь. Поскольку отвлекаться хоть на докторов, хоть на хлеб насущный мне отныне не положено. А данное соглашение рассчитано на нетленную вечность.

Как говорил один жуликоватый, находчивый литературный герой: «Вот и сбылась мечта идиота!» Примерно через сутки я очнулся, нет, не в больничной палате, не у себя дома и не на рабочем месте. Звонил, да что там, разрывался телефон. Рефлекторная попытка его найти обнаружила меня в мусорном баке. Нашупал, попытался одним рывком извлечь средство связи из-под грязного подгузника. Помешала маленькая серая крыса. То ли вещичка моя пригляну-

лась зверьку, то ли стала частью его гнезда. Но, в конце концов, острые зубки и цепкие лапки уступили проворной руке. И голос шефа возвестил: «Прочитал твои свежие наработки. Это шедевр! Когда только ты успел?»

С тех пор провалы в памяти участились. Пропорционально тому усилились и умножились мои таланты.

Глава 1. Долгие провода

Вокзалы, аэропорты, астралы и многоканальные переходные модули, прозванные кем-то из землян распылителями, не просто родственники, у них душа одна на всех. Многоликая вездесущая тварь, она есть везде и в каждом. Опоздания, таможенные неурядицы, встречи, разлуки безотказно, по умолчанию служат ей вкусной и здоровой пищей. Какова моя роль в этом питательном процессе? Я лишь случайная несъедобная частица. Никто и нигде во всём великом вселенском многообразии меня не ждёт, вряд ли встретят и скорее всего не проводят. Просто некому. Человечество без войны, без угроз и принуждений из колыбели выросло, обветшавший дом израсходовало и бросило. Статус граждан галактики, паспорт бродяги, по определению одного малыша, рассеял нас, разобшил, внушил неприязнь и отвращение к соплеменникам. В гостях не хорошо и не плохо, адаптируйся, включайся в светлые будни, заслуживай кров и пищу. Но не тут-то было. Через год гостеприимная чужая крепость и мастерская посулит бесплатную доставку на шею ближайшим соседям. Через три года откроются и дальние халявные маршруты. Потом к ним присовокупят подъёмные, командировочные и суточные пособия. В конце концов, принудительная высылка. Людям выгодно странствовать и ни к чему делиться с товарищами по несчастью. Мы прославились в образе бездельников и христарадников. Боюсь, скоро с волчьим билетом гражданина галактики не пустят на каторжные астероиды, не то что в прилизанные и выхолненные потребительские галереи, курорты и здравницы. Астра порт «Вхио» – крупнейший перелётный узел Млечного Пути. Так гласят гостиничные электронные путеводители и слухи. Объёмные рекламные проспекты, усиленные передачей запахов и тактильных ощущений, с допустимыми погрешностями успешно переносят путешественников и грузы на непостижимые расстояния в сжатые сроки с фантастическим комфортом. Пресловутые «допустимые погрешности» дразнят придирчивое эго. Самолюбие кричит: «Я в состоянии проверить. Полечу, увижу, понюхаю и потрогаю, поймаю кожей искусственно преподнесённый дождь и ветер». Пробует и сравнивает, объясняет, додумывает, усиливая или сглаживая особо впечатляющие подробности.

В результате нехитрого скрещивания обещаний и исполнений вызываются из потусторонних глубин сплетни и пересуды. Рассказы испытателей и очевидцев, как ни странно, служат ярким дополнением к зазывающим повествованиям. А верят здесь с незапамятных времён и тем, и другим. Неутомимые кены пол тысячелетия назад освоили спутник родной планеты. На местной луне не обнаружилось ничего, кроме невероятно твёрдой и огнеупорной породы. Низкая гравитация и отсутствие ветров предопределили судьбу астрономического объекта. Абсолютно плоскую поверхность площадью чуть больше земной Евразии в считанные годы преобразовали в сплошной взлётно-посадочный комплекс. Горы, представляющие собой беспорядочные скопления окаменевших пузырьков, были обречены переустроиться в гостиницы, склады, тюрьмы временного содержания и прочие служебные помещения. Отсюда можно дёшево и с неограниченным багажом попасть туда, куда распылители не достают. Всё здесь хорошо, жаль только, никого похожего на людей нет и не было никогда. Даже аборигены, кены, скорее гусеницы, сумевшие приподнять верхнюю часть туловища и отрастить подобие рук. Я-то вначале предвзято принял их за кентавров. Необузданное, истосковавшееся по сопоставлениям воображение ослика заставит сыграть роль лошади. А уж в братьях по разуму и подавно откапываем однойцовых близнецов. Впрочем, ни к чему лукавить, человеческого естества в кенах предостаточно. Метрах в пяти от меня горько рыдает лиловая представительница аборигенов, барышня с прекрасным именем Тисами. Недавно через волшебную шкатулку добыл универсальный толмач. Он не склонен к воспетому классиками абсолютному симбиозу. Не внедрил неотьемлемым органом или чакрой. Не трансформировал моё несовершенное тело. Болтается на шее подобием старинного фотоаппарата, пропагандируя моду на ретро

игрушки. Цепкие присоски иногда подрагивают, вселяя чужие позывы в мой адрес. Вот и сейчас он вливает потребность лиловой гусеницы в сопереживании. Имя подсказано переводчиком при беглом зрительном восприятии. Горганно-носовая фонетика благодаря ему воспроизводится легко и непринуждённо. Сидящая рядом пожилая сине-зелёная дама в камышовой шляпке подготовлена аналогичным устройством к диалогу. Семь жемчужин её универсальных рецепторов зардели густым блеском. Характер у тётушки кроткий, бесхитростный. Болтушка с чувством меры.

– Счастливо здравствовать, сударыня! Случайно не ведаете, что за напасть горько сокрушила миленькую девушку? Красоту невзначай на слезинки разменяет.

– Мог бы и по имени её назвать. Ведь так же, как я, уже подслушал его? Другие мысли прочесть силёнок не хватило. Да, пришелец? – Я кивнул. – Тяжело тебе на чужбине. Ну да ладно. Ей тоже не сладко. Она летит на Алаоло, отложить свои первые яйца. Милый, но непутёвый избранник не соберет ей общества. Он подло уменьшает страдания другой кены. – Гибкое тело Тисами судорожно трепещет под кружевным комбинезоном. И мне её по-человечески жаль. Нужно срочно утешить.

– Мадмуазель, вы прекрасны и молоды. Вы ещё найдёте своё счастье, – неуклюже увещаю Тисами.

Она замирает от неожиданности. Поворачивает ко мне изящное, не испорченное косметикой личико и как ни в чём не бывало молвит:

– Дорогой мой Фобос Глюк с далёкой и таинственной планеты Земля. Я тоже рада познакомиться и благодарна за сочувствие. Ты возмутительно некрасивый и опьяняюще экзотический. Потому тоже мне нравишься. Я согласна смягчить позор гуманоида. А ты рискнёшь взять на себя страдания кены?

Посредница, противно булькая, раздражается местной вариацией хохота. Но тут же извиняясь бормочет:

– Снести две тысячи яиц очень непросто. Можно умереть от боли, лопнуть. Современные приёмники яиц и инкубаторы, конечно, сделают всё возможное. Но когда кавалер позволяет своей даме влезть в его шкуру и там, внутри него, произвести кладку, ей намного легче. И восстанавливается она в таком случае гораздо быстрее. Конечно, ты заметил, как она прекрасна, ощутил каждой внутренней щетинкой хорды. Отцовский подвиг отольётся тебе сполна, не обижайся, ну самой что ни на есть неземной красотой. Только пойми, боюсь, ты не готов. Хвост даю на отсечение, погибнешь. А если выживешь, то остаток сил израсходуешь на донашиванье чужих детёнышей. Благородно, но глупо.

Только и успел подумать: «Ну ничего себе, конфуз!», как вдруг за спиной заскрежетало.

– Так-то оно так, но, к сожалению, он токсичен. И никаких внутренних щетинок на хорде не имеет. Фобос переварит несчастную Тисами вместе с её потомством, как охотничью сосиску. – В ответ отовсюду поползли раздосадованные, негодующие и напуганные всхлипы и вскрики вперемешку с замечаниями на тему «Каких только чудовищ и монстров не рождает мать Вселенная».

– Пойдём-ка, брат покурим. Я тебе мозги на место поставлю.

Комнаты для курения в каждом отделении астра порта. Умопомрачительно. Неужели и братья по разуму пристрастились к никотиновой забаве?

– И давай сразу договоримся, друг, вопросы задавать вслух. Я не умею как эти, – новый собеседник указал кончиком лапы на кенов, – мысли читать. И вашу мимику изучал лишь в теории. Но на этот незаданный вопрос с превеликим удовольствием отвечу. Присмотришься смелее. С кем из мифов я родственен?

Разница восприятий камуфлировала и искажала привычные вещи. Рекламно-информационные интерьеры кены оформляли не для землян. Их постоянным источником доходов по-прежнему служили не мы. Расы другого типа с диапазонами сканирования информации, отлич-

ными от наших стандартов, восторгались бы. Но меня каменные выступления, занавешенные мутной, слепой пеленой, не то чтобы не впечатляли, скорее дезориентировали. Зловредный, чужой фон милосердно выключился. Зрение, наконец, сфокусировалось, до меня дошло.

– Эврика! Золотой лягушонок. Вас рисовали и вырезали из золота индейцы Центральной Америки. Дерзну предположить, собственно, вы к нам завезли табак.

– И кофе, и кукурузу, и точные карты, и игрушки на колёсиках. А вот сифилис пришёл не из наших мест, а из тех, куда ты собираешься. Второй раз тебе хочу жизнь спасти. Пойдёшь со мной. Я капитан вполне приличной пиратской пироги. Такие места покажу. Ты же романтик! Соглашайся. Мне как раз для свершения новой задумки человек нужен. Прикинь, ни у кого в команде человека нет, а у меня есть. Да мы астероиды вывихнем!

Толстая бордово-коричневая сигара так смачно раскурилась, что мне уже представлялись далёкие звёздные системы с их несметными сокровищами. На языке сформировалось чёткое мужское слово «да». Хотя нет. Чья-то прохладная ладонь мягко легла на моё плечо. Я обернулся и, подобно мухе в густой и клейкой паутине, отыскал себя во взгляде Чжуоу. А предыдущий авантюрно квакающий собеседник мигом испарился, и след простыл.

– Доброго множества лун, Фобос Глюк! Со дня заключения сделки я шкурно заинтересован в твоих взлётах и падениях. Победы стимулируют продолжение пути, кружат голову, толкают на безрассудство. В них посеяно зерно интригующей алчности и будущих промахов, закономерно приводящих к смертельной опасности. Увлекательная игра. Обретенные навыки и таланты выплёскивают на более высокий уровень. Ринг солиднее, соперник круче, ставки выше. Бесконечная битва за самосовершенствование. Потенциально однажды сравняешься с тренером. Огорошишь, сокрушишь в пух и прах его. А когда превзойдёшь, сможешь устанавливать и диктовать правила. – Он явился, чтобы провожать или отсоветовать?

– Бесчисленного кометного наваждения! Знаю и помню, каждый день моей смерти стоит нашего бессмертия! – Я неучтиво прервал своего загадочного покровителя, поскольку сам должен был произнести это принявшееся волшебным заклинание.

– Верно, мой друг, но с одним «но». Твой риск оправдан только там, где я могу вмешаться. А в данном случае он лишён мотивации. В космосе, как и на Земле, есть свои зыбучие пески и трясины. Космос масштабней и страшней. В роли обречённого на гибель путника оказываются пространство и время. Для меня это западня. Знаешь, что будет, если я приму её приглашение? Там меня расскажут, как сказку, под которую уснёт и станет дурным сном не только моя Вселенная. Зато гать обретёт невероятную силу, расцветёт пышным букетом, да что там, безбрежным полем хищных галактик. Флорист сравнил бы такую аномалию с озверевшей орхидеей. Коварный цветок вкусно и весело пообедал и теперь способен на безудержное размножение. Ты ведь собрался в систему Троя, в сети трёх сумасшедших звёзд? Почему? – В голосе чужого бога притаился адский страх, точно я умышленно намерен заманить и смолоть в кварковую пыль, развеять дух.

– Витают слухи о том, что там оседло обустроились люди. Воздвигли полноценные поселения, города, мегаполисы. Заселили и преобразовали около десятка планет. Условия, уклад жизни те же, что на Родине десятки лет назад. Надоело гостить и скитаться. Нестерпимо хочется домой. Интуитивно тянет к своим братьям и сёстрам, если не родным, то и седьмая вода на киселе согдиться. – Я твёрдо отстаивал свободу и право на выбор. Договор с Чжуоу не ограничивал переезды.

– Тянет? И куда? В область, выпавшую из астрономических карт, невидимую ни одним телескопом? А подобные виды могут оказаться страшнее себя самого. Помнишь, когда-то, кажется, в шестом классе, после переходного экзамена по английскому языку ты подобрал птенца сороки? – Чжуоу впервые на моей памяти нервничал. Мои воспоминания – припрятанный в рукаве козырный туз. Неужели игра близка к развязке? Значит, для победы нужно не поддаваться на провокации.

– Естественно, не забыл. Маленький несчастный комочек перьев казался поначалу нежизнеспособным. Отказывался от пищи, не двигался. Но в первый же день по телевизору показали, как выхаживают ровесников, выпавших из гнёзд. Наша птичка, мы назвали её Люба, учуяв близкие и понятные звуки, закричала в ответ, встрепелась и ожила. Ей приходилось балансировать на одной лапке, поскольку вторая оказалась сломанной. Первую ночь Люба спала с широко расставленными крыльями. Иначе на бортике ящика не усидеть. Утром наложили шину. И очень скоро конечность срослась и заработала. Как сейчас помню. Я осторожно пальцем щекотал грудку удочерённой птахи. Она какое-то время издавала звуки, похожие на мурлыканье. А затем, стоя на одной лапке, другой нежно отталкивала мой палец. Показывала, что с ней полный порядок. Четыре недели она жила у нас на балконе. У близких друзей клетки и цепи не в чести. Просила истошными криками кормить себя и поить через каждые пять минут. Без устали справляла нужду и потешала нас своими выходками. То ворону озадачит орлиным криком, то кота от подъезда собачим лаем прогонит. А потом, отпросившись, благополучно улетела.

– Не стоит обольщаться на счёт благополучия. Эта история кончилась буднично плохо. Обретя полную свободу, твой воспитанник отважился полакомиться сверстниками, детьми другого, более слабого вида. Увы, природа жестока. И против неё не выдвинешься. – Чжуоу умолк, будто подбирал нужные слова. После тяжёлого вздоха продолжил, – На слабый предсмертный зов желтоклювых чад откликнулись крепкие родители. Потомство спасти не успели, зато обидчика поранили. Твоя птица усвоила правила человека. Как бы ты поступил на её месте?

– Позвал бы кого-нибудь на помощь, – без заминки констатировал многократно на опыте поколений испытанный факт. – Меня не раз выручали разумные существа.

– Вот, вот, ещё вчера ласковый и добрый птенчик обратился за помощью к себе подобным творениям дикого естества. Но подоспевшие братья и сёстры проучили конкурента, устроили жестокую забаву. Твой бывший питомец истошно молил о пощаде, пока не прилетела его родная мать и не решила судьбу одним единственным ударом клюва. А затем всё как у людей – жадная и шумная пирушка.

– К чему эта бездоказательная, вероломная притча? – Я испытал жгучую, обидную горечь, сгустившуюся в распирающий, расползающийся по горлу вязкий ком.

– Себе подобные добряки лишь кажутся такими. Цирцея, Импуса и Геката – самое злочное дно, в которое провалилась цивилизация. Точнее то, что от неё осталось.

– Вам что-то известно о тайнике мироздания? Какие там условия? Чего опасаться?

– Не много. Начнём с того, что знают даже здешние умники. Кенский путешественник, этнограф и историк Дионис, по непонятной на трезвый рассудок причине прозванный в твоих краях богом вина, наделил потомков кратким описанием тех мест. Первая путаница связана со временем. Записи исследователя свидетельствуют о том, что экспедиция продлилась чуть больше месяца. Но в родные горные леса кен вернулся, промотав триста двадцать лет назад. Нет, о полётах свыше скорости света они и до сих пор не мечтают. Углубляться не стоит. Вот, что он пишет: «Система из трёх звёзд подчиняет себе сорок две планеты, семнадцать из них населены людьми. Климат на Новых Землях равномерный и примерно одинаковый, поскольку петляют они между Цирцеей, Импусой и Гекатой по одной орбите. К тому же угол наклона оси их вращения колеблется от нуля до одной десятой градуса. Микрофлора обильна и назойлива». Тебе придётся смириться с таким явлением, как грязный дождь. Там почти та же жизнь, что была когда-то в колыбели человечества, даже слаще. Настоящий рай для человеческих пороков и их последствий. Будь осторожен. Я физически не способен там появиться. Сбежать оттуда практически невозможно. Дионис потерял команду целиком. По одним данным, спились соратники. По другим туманным и разрозненным слухам, истреблены в результате столк-

новения с правящим тоталитарным режимом. Да, братец, творится там что-то неладное, ненормальное.

– А как же наш договор? – Я не выдержал и перебил его. – Почему вы вмешались, а не хранитель? Где он? С ним, надеюсь, ничего зловещего не должно произойти?

– «Зловещего» не точное слово. Оно-то с ним постоянно под ручки фланирует. Вещать приходится не только о добре, вселяемом в тебя. Хранитель обеспечивает многие тайны. Да и мне зиждилось верным побуждением лично наставить на путь истинный. Многие ценные качества ты утрачиваешь, погружаясь в зыбучие пески времён. Забудь о таких глупостях, как хождение по раскалённым углям, воздуху и сквозь стены. От пуль уворачиваться тоже не судьба. Честно, тебя развлекательные чудеса не спасали. Юношеская рисовка. Но договор по-прежнему в силе, благодаря шкатулке. Заруби на носу: чем насыщеннее твоё время, тем оно полезней для меня. Нас может погубить лишь незаполненная пустота. Не спрашивай о ней. Ты почувствуешь, испугаешься и постарайся убежать от неё. Помни, у этого бегства один путь – творчество. Ладно, тебе пора. До встречи!

Я не успел ни заметить, ни осмыслить его исчезновение. Перед глазами замерцала стрелка. Она привела меня по извивающемуся коридору в помещение, напоминающее кариозную дыру в пожелтевшем резце великана, из которой каким-то чудом изъяли бесформенную глыбу. Освещение изъяснялось на вовсе другом языке, ни ярче, ни тусклее, просто всё казалось расплывчатым и более ёмким. Пришлось присматриваться. И когда наконец это удалось, меня осенило: нет ни стен, ни пола, ни потолка – сплошные технические приборы. Следующая слабо осязаемая догадка подсказала: я невесомо завис в самом центре многомерного пространства. Бесцветные, холодные лучи, исходящие из ниоткуда, неадекватно преломлялись во мне, понуждая сеять изнутри бархатно и рассеянно.

– Уважаемый гражданин Вселенной Фобос Глюк, вы действительно хотите поселиться на планете Советский Союз звёздной системы Троя? – Голос, тотально обволакивающий, имел не только тревожные интонации, он рассыпался по коже снежным десантом непоседливых колючих мурашек. Кены не умеют сдерживаться, но эмоциям придавали грандиозное значение. Ими правит поговорка «Улыбка – первая помощь и первый смертоносный удар». Мимических вариантов непочатая бездна. Туристы наравне с сувенирами раскупают «Справочники мимики кенов».

– Поселиться? Вряд ли. Ближе к правде, хотел бы пожить там какое-то время. – Я немного замешкался, подбирая точные слова. Но не нашёл ничего лучше, чем прибавить, – А потом, если вы не возражаете, вернуться сюда или в другое место.

– Ну что ж, если вам удастся вернуться, гражданство галактики будет восстановлено. В теории, на практике, к сожалению, возвращенцев единицы. Но для начала необходимо решить три вопроса. Первые два медицинского характера.

– Я готов. Давайте. – В это мгновение мне показалось, будто хранитель договора пробрался в самые глубокие недра моей души и ворочается там, дабы удобнее устроиться. Его боевая готовность незамедлительно вмешаться передалась и мне.

– Вы не совсем человек, – почудилось, ещё чуть-чуть и я окажусь мягким, как пластилин, начну менять форму. Вспомнилось, обычная температура тела у меня тридцать семь и три, а в сердце три желудочка. Но земные медики успокаивали: «Ничего страшного. Так бывает. Стандартные пациенты встречаются в учебниках».

– Вот тебе раз, никогда бы не подумал. Сколько всевозможных обследований проходил, и никто мне ничего не сказал. Это не страшно? – Содрогания вырвались за тонкую грань приличного поведения. Но неловкость и скованность развеялись.

– Напротив, вам подходят практически все известные в галактике прививки. Но, к великому счастью для вас, не все они попадают в список необходимых препаратов. – Голос тепло и сухо захихикал. – Самые болезненные и дорогие сейчас вам ни к чему.

Глава 2. Дорога никуда

На что похож пассажирский салон обычного межзвёздного лайнера, построенного братьями по разуму? Как всякий общественный транспорт: три ряда кресел слева, три ряда справа, а между ними длинный проход. В конце и в начале салона туалетные комнаты. Корабли с отдельными каютами – слишком дорогое удовольствие. В нашей «медузе» снизу, со взлётно-посадочной площадки, корабль выглядит именно так – три жилых палубы. Нижний уровень для тех, кто привык обитать в жидкой среде. Вверху, очень логично, летуны-непоседы. В моём же билете указано: средний ярус, класс «А» (в состав воздуха входит кислород), салон средних габаритов. Моё место возле иллюминатора. Оно определено дальностью моей остановки. Насколько мне известно, «медузы» рождаются и умирают в космосе, вдали от больших планет. Специальные шлюпки доставляют путешественников на корабль и с него. Яркая окраска, манёвренность и живучесть шлюпок позволяют мне называть их «гупиками». В случае катастрофы такой «гупик» способен стать на двести лет надёжной крепостью. Включается режим анабиоза с полноценным комплексом жизнеобеспечения. В экстренные услуги аппарата входят не только мероприятия, поддерживающие дыхание, питание и гигиену. Шлюпка окажет первую психологическую и медицинскую помощь, вплоть до омоложения клеток и отдельных органов. Со сроком, разумеется, создатели перестраховались. «Гупик» будет не только автоматически подавать сигналы бедствия, но и притягиваться другими «медузами». А если таких поблизости не обнаружится, поможет первая подоспевшая, будь то грузовая «черепашка», «акула» геологоразведки или частная «камбала». Таможня по этому поводу пошутила: «Не дай бог, что стрясётся, – реализуешь век длиннее и интересней».

И вот уже нарядная стайка шлюпок буднично обменяла многоголосицу прибывших коммерсантов, спортсменов, жуликов и редких профессионалов на однородно притихшую отбывающую массу. Рыбки-катера освобождают от чужих и замороженных бродяг гостеприимно мрачные сени кенов. Но, сопоставив прибыль и потерю, бесформенный грандиозный булыжник, обогащённый суетой, не увеличивается, а наоборот, стремительно теряет размер. Удаляется. Несколько минут, и угадать не получится, откуда я нынче, а тем более, откуда изначально. Перекати-поле. Ни двора, ни кола. Чёрная пустота, обильно усеянная чужими, незнакомыми звёздами. Поворачиваю голову и не верю своим глазам. Заскоружный, обветренный взрывами сверхновых и вспышками старых звёзд, предрассудок о вселенском сиротстве разрывается в пыль и прах. В соседнем кресле обычная на вид девушка с книжкой на коленях. На твёрдом переплёте крупные русские буквы «Геном-2», над ними пропись: «Принцесса Зей-Со». Смуглая, большеглазая барышня мило, по-детски наивно улыбается. Радужные, светоотражающие линзы наделяют некрасивый, но обаятельный лик старомодным шармом, загадочно затмевают плутоватость и нечто ещё, подспудно судьбоносное.

– Привет, земляк! Не поверишь, друг, я дзыгу, хоть и считаю своей родиной Землю. Один старенький, очень мудрый и добрый орнитолог обнаружил в гнезде у аистов невероятно крупное яйцо. Дедушке не терпелось узнать, какая кукушка вырвалась из юрского периода, дабы отомстить детоносной семье за всё человечество. Забрал яичко, высидел. А когда вылупилась я, многократно испугался. Справится ли с воспитанием? Ведь всю жизнь посвятил науке. Ни жены, ни детей. Кто я такая? Что за тварь неведомая? Не съем ли его, когда вырасту? А самый серьёзный и главный страх пробудился за меня. Рассказать кому-то, и прощай моё детство беззаботное, затаскают по институтам, лабораториям. Разберут по жилкам и косточкам на диссертации, статьи да сплетни. Но нажил муж науки двух верных соратниц. Обе несильно постаревшие девы свято любили науку и друг друга. С лёгкостью раскрывали тайны природы, а иногда свято и ревностно их хранили. В особенности в случае со мной, потому что давно мечтали завести ребёнка. Но как это сделать, не прибегая к усыновлению, представления не имели.

Благодарные и добросовестные бывшие ученики бескорыстно помогли. Один из них вообще заявил: «В Ростове-на-Дону любые документы не проблема, тем более, что меня вы тоже когда-то подобрали, воспитали, научили и дали диплом о высшем образовании». Так стала я обычной человеческой девочкой в самой нормальной семье. Дедушка Николай Егорович, мама Светлана Андреевна и мама Ольга Анатольевна – мои по-настоящему родные люди. К счастью, они и поныне живы и деятельны. Дед перенёс несколько серьёзных операций. И чудесным образом помолодел. Они чрезвычайно смешные и рассеянные. Эмиграцию воспринимают равнозначно смене университета. Не ищут отличий между нами или тактично умалчивают.

Подавил в зародыше едва не придуманную колкость. Если она телепат, то непременно обидится. Запрещено.

– Они счастливые универсалы. Повинюсь, тоже обнаружил в тебе мулатку, кубинку. Но красавицы с острова свободы не изъясняются так безупречно по-русски. Можно, на «ты»? – Собеседница великодушно кивнула. – Училась как? Учителя, репетиторы домой приходили? – Вспомнил, была у меня знакомка по библиотеке. Всю школьную программу на домашнем обучении прошла. А потом на общих основаниях институт, аспирантура. Докторскую работу блестяще защитила.

– Нет. Зачем же? Полноценная школа с математическим уклоном. И даже никто из сверстников открыто не смеялся ни над моей внешностью, ни над нетрадиционной семьёй. С одной стороны, люди воспитанные. С другой, каждый понимал, с родственниками Маши Цветковой лучше не расточаться, потом дороже выйдет.

– И первая любовь состоялась? – Глаза землячки стали тревожно мечтательными.

– А как же. Правда, по уши влюблённый Илюша в первых неумелых стихах всё-таки назвал меня девочкой с другой планеты. Учительница по биологии сравнивала с пчёлкой. Говорила: «Машенька, наше подобие коллектива в твоём присутствии превращается в дружный улей. Мальчики, девочки, да что там, и педагоги вокруг тебя жужжат, суетятся. Каждый своим делом занят, будто прирождённый мастер». А когда я в университет поступила, она подарила мне книгу «Геном». Автор Сергей Лукьяненко. Уверена, ты её читал. Бьюсь об заклад, с друзьями обсуждал, подшучивал. Нет бы обстоятельно влиться, прочувствовать.

– Было дело. Столько извращенцев на одном корабле. И как они не поубивали друг друга. – Я поспешно осёкся. Не переборщить бы. Принцессу жалко. Её рой пропал.

– А по-моему, всё там нормально и пристойно. Погибают достойные и дипломатичные герои. А повернул бы автор иначе. Грохнули тебя вместо неё, обознались. Вы же как две капли воды похожи. Ты бы точно не плакал. Кроме шуток, книга замечательная. И подтекст ясен, любимая учительница меня раскусила. – Она поймала мой взгляд, читая в нём незаданный вопрос. – Конечно, возражений нашлось много. Самое обидное пятно в репутации дзыгу – запах. Разве от меня плохо пахнет? Закрой глаза, скажи, чем? Не лъсти и не ёрничай. Не духами, и не мёдом. Заявишь: «Прополисом», получишь в глаз. – Тихий смешок.

– Твоя, правда. Ты без скафандра.

Я не задыхаюсь. Смежил веки. Сосредотачиваюсь. Ничего себе, ещё минуту назад я ничего подобного не чувствовал. Миниатюрная лужайка на опушке дубового леса. Полынь, клевер, мята, чабрец. Моросит лёгкий дождик. Ветерок. Что-то шевелится за моей спиной. Неужели крылья? Я бабочка. Поднимаюсь высоко-высоко. Передо мной огромное маковое поле. Здесь долго задерживаться нельзя. За плечами сила и размах увеличиваются. А впереди уже непроходимые, густые и многоэтажные цветочные джунгли.

– Нестерпимо парить дальше. Хочется экстренно совершить посадку в нежном и чутком серебряном лотосе. Ой, прости, кажется, это плод запретный.

– То, что ты испытал – язык ароматов. Я перевела на древний, беззвучный язык дзыгу простенькое, но искреннее признание в любви. А ты почувствовал. Здорово, а!? Открывай глаза. Потеряешь голову, будет больно на свет смотреть. Хуже умереть с закрытыми глазами.

Недаром на Земле говорят, что любовь слепа. Но она ещё и безответна, или ответишь тем же? – Вот теперь её глаза рассыпались сиянием на рой искр, сделались истинно фасеточными. Сестра наших насекомых.

– Ты не представляешь, как я хотел бы тебе ответить ещё пышней и краше. Кроме симпатии и навыка потребуется специальный орган? – Отрицательно мотает головой. – У меня при арсенале отталкивающих минусов два несомненных плюса.

– Интересно, какие? Сотрудничаешь на безобидную попытку угадать? Чревоугодие и лень? Нет, понятия взаимоисключающие. Лысец и липучка. Нет, разве? Сдаюсь.

– Я тебя чувствую, как огромный непостижимый мир. Это раз. Я додумался, о чём хотел сказать писатель. Возможно, враждебные эмоции, например, неприязнь, призрение, ненависть и прочие твои соплеменники облакают в неприятные для нас запахи. Два. Примешь в ученики? – Решился на глупость и дерзость, смельчак.

– Возможно, ты прав. Но объявить себя моим учеником равносильно первому шагу к взаимности. А впрочем, к этому мы ещё вернёмся. Сейчас о другом порыве. Собрала я свои протесты если не в кулак, то в одно огромное сердце, и написала продолжение книги – «Геном-2». Окончила роман ещё на Земле, а вот издать получилось там, где по замыслу Сергея Лукьяненко выздоравливает и остаётся навсегда несчастная Сэй. Как коварна и насмешлива судьба, не находишь? Планета Зодиак описана в точности, только испокон веков принадлежит Сонмищу Дзыгу. Наши критики доказывают, будто первый «Геном» – иносказание. Людей и Дзыгу автор намеренно поменял местами. Моя версия тоже популярна. Кстати, на русском языке осталось два экземпляра. Этот твой. – Девушка протянула мне томик. – Одна просьба, дарственную надпись прочтёшь там, когда прилетишь и устроишься. С текстом ознакомься в пути, если захочешь.

Раскрываю подарок наугад. Замысловатый шрифт. Яркие смешные иллюстрации, точно кадры из давно забытого мультфильма. Бумага слегка шероховатая, белоснежная с голубым оттенком. Такой лист не пожелтеет ни к осени, ни через пол тысячелетия, в отличие от традиционного, древесного собрата. Раритетное издание, редчайшее.

– Мне очень повезло. Однажды довелось полистать первые изданные в Германии фолианты. Осмелюсь предположить, материал тот же. В Центральной Европе водились, скорее всего, и в настоящей эпохе имеются, так называемые бумажные осы. Странички изготовлены из их сот? – Если ответ правильный, это судьбина.

– Нет, но из идентичных творений по аналогичной технологии. Ой, какой только бумаги не придумали. Есть родственная нам раса. Если дзыгу для людей почти пчёлки, то эти самые тобо почти термиты. Их печатная продукция сама себя читает и вслух, и шёпотом, и, выражаясь языком Макса Фрая, на уровне безмолвной речи. Представь, детское время вышло. Нянька тобо укладывает малышей спать. А у неё их до нескольких тысяч. Под специальную лампу, не излучающую видимого света, помещается сборник сказок. Мозг каждого ребёнка слушает разноголосое прочтение, видит его зрительное воплощение, осязает, обоняет, включает более десятка видов восприятия, в том числе незнакомых человеку и неразвитых у детёнышей термитов. А дальше ещё любопытственнее. Каждый отдельный рассудок по персональному пути развития сюжета уходит в мир сладких грёз и сновидений. Так тобо решают проблему развития и воспитания личности. Чудной народ! Небоскрёб в пять миллионов уровней выращивает из макулатуры. Жеваная промокашка из тамошней разновидности бамбука адрессированно находит правильные формы, размеры, твёрдость и расцветку. В наших цивилизациях специальными рождаются. У плотников своя высота, у дворников и директоров тоже. Людям смешно, но разве у вас было не так, иначе?

– Слушай, а ведь точно, и на работе, и в быту, – искренне удивился я. – Кабинет любого начальника на земле стремился воспарить над грешной тишиной. А из окна каждого дворника

видны были ноги и опадающий под них мусор. Житейский уклад непременно сводился к этой высоте. Недаром возникла поговорка «Выше головы не прыгнешь!»

Неужели другие виды исповедуют одни и те же принципы?

– А вот у тобо, несмотря на врождённые таланты, даже похожих изречений не бывает. Каждый неукоснительно следует персональному генотипу, но при необходимости, раскроет массу фенотипов, скрытых талантов и навыков, поскольку он образован как личность. «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Обломов» для них страшная фантастика. По их инициативе на Зо-ди-ак, – известное мне название пчёлка Маша произнесла тягуче, нараспев, с разрывами, – создан центр исчезнувших цивилизаций. Посёлок, по площади превосходящий Москву в несколько раз.

На спинках кресел перед нами зажглись большие экраны, заиграли знаками и изображениями кулинарных блюд. Я не придавал значения. Реклама, наверное. Тогда в воздухе возникла голографическая трёхмерная рука. Большой палец указал на мой рот, указательный постучал по виску. Дзыгу, слегка улыбнувшись, пояснила:

– Обед скоро. Нас просят сделать заказ. Тебе помочь? Я часто летаю, изучила и полюбила сервис межзвёздных трасс. Ещё одна общая для разумных рас особенность – Кочевники стесняются нас. У небесных дорог нет ни твёрдых шагов, ни хозяев. Командировки учат кочевать.

– Хорошо. Выбери что-нибудь на свой вкус. – И в ту же секунду Маша стала похожей на переводчицу для глухонемых. Её верхние конечности замельтешили в причудливых жестах.

– Я несильно отвлеку, если задам личный вопрос? – сорвалось с моего языка как раз в тот момент, когда полупрозрачными крошечными облаками замерцали первые призрачные тарелочки, пиалы, чашки и блюдца. Казалось, они с дорогостоящим, накладным звоном разобьются вдребезги мгновенно. Но наоборот, яства неумолимо перебирались из небытия в реальность.

– Отчего же? Одно другому не мешает. По сути, я общаюсь с двумя собеседниками, одновременно на разные темы.

Волновой преобразователь заурчал, как довольный кот, вновь показывая человеческую руку. Только теперь кулак был сжат, а большой палец рвался в потолок.

– Искусственный интеллект одушевлён. Ему лестно быть третьим собеседником. Сочтут некультурным, подслушивающим и встречающим в чужие разговоры. Он точно откроет способ напиться на радостях.

– Почему принцесса Дзей Со? Псевдоним происходит от сочувствия к героине? Почему не Маша Цветкова? – Указательный палец голографической руки запрыгал, торжественно нацеливаясь то на книгу, то на автора. – Он вальсирует? – Перевожу.

Маша победно хихикнула:

– Раздел знаний апиология увещевает, медоносные пчёлы общаются на языке танцев. Наш добрый электронный друг, ты как всегда остроумен, догадлив и рассудителен. Искусный повар и официант на априорном уровне усёк, что это моё настоящее имя. Он старательно пытается объяснить нам, что так много совпадений подряд невозможно, если они не закономерны. По его мнению, Лукьяненко знает игры, в которые играет и просчитывает на сто ходов вперёд, но только для того, чтобы красиво проиграть. Перст растолковал популярный опыт австрийского этолога Карла Фриша с передвигаемым сиропом. Пчёлы в первый раз, не найдя лакомства, нервничали, зато на следующее утро поджидали нобелевского лауреата в точке будущего перемещения. Вывод очевиден. Сочинитель пчела и тайный агент дзыгу. Гипотеза.

– Даже окажись фантаст трутнем, с чем я категорически не согласен, с удовольствием дал бы такому официанту на чай. Жаль, что здесь это не принято. – Экраны погасли. Образовались маленькие столики-этажерки, уставленные посудой. Внизу – фруктовые и овощные салаты. Вверху – лёгкие напитки и десерты. А между ними возникло строгое скуластое лицо гуманоида со сросшимися бровями.

– Здравствуйте! Извините, что вмешиваюсь. Я халфлинг. – Лицо пышно представилось. – Вы симпатичны кормильцу. – Халфлинг кивнул в сторону своего экрана. – Он советовался со мной, какой бы сюрприз вам сделать? Я порекомендовал жульен «Туманность Андромеды». По комплексу аминокислотных оснований это слабый галлюциноген для вас обоих, впрочем, не запрещённый законом. Если вам интересно моё мнение о романе «Геном», то и у меня есть некоторые возражения. Мы не такие уж мстительные и зловерные. Окажись в нашем пространстве корабль с представительницами дзыгу на борту, мы бы не навредили им. Культура и этикет – залог дипломатии.

Капитальность заверения уподобила дядьку злодею из детской книжки. Сформированные обособленно эмоциональные реакции при столкновении способствуют конфликтности, замкнутости, а у собеседников с хорошо развитым чувством юмора визави, взаимопониманию и творческому союзу. Несовпадение стереотипов. Тип третий?

– Даже если бы они были вашими лютыми врагами? Бывшими жёнами? Преподавателями, оставившими без стипендии? – Проверим, давно ли знакомы.

– Даже так. В крайнем случае, сопроводили бы в нейтральную зону, соблюдая свод почестей. Оставить без стипендии – жесточайшее наказание. Однажды я на нём погорел. Целый семестр помогал студенту-двоечнику сводить концы с концами. И, к стыду испепеляющему, понял, научить его легче, чем прокормить. Шутка про бывших жён достойна внимания, ибо не устарела, не канула в вечность. Изжитый архаизм. В раннем детстве родители привели меня на игровую площадку. Подбежала девочка Афелия и, робко картавя и запинаясь, произнесла: «Какой ты страшенький!» Прекрасная была жизнь, полная. – Пауза. – И вот уже двадцать лет я ношу её косу. – Игриво потрепал памятку, пришитую к вороту берёзовой псевдо-гавайской рубахи, в бегах от моды на чужое ретро, выцветшей в дым.

– Он улыбается, поскольку считает тебя типичным землянином. – Дзыгу пояснила халфлингу моё поведение. Потом повернулась ко мне и добавила, – Великий поэт сказал: «Пусть лучше враг сгорает от стыда, чем ненависть к нему тебя сожжёт».

Пожелав друг другу приятного аппетита, мы увлеклись трапезой. Временно я забыл про недавних собеседников. Досадной занозой в мозгу засела мысль о волновом преобразователе. Общедоступное чудо. Сначала мне преподнесли шкатулку, способную воплощать мысли. Я стал непревзойдённым фокусником. Потом автоматы с той же функцией появились повсеместно. Именно они и погубили человечество. Зачем к чему-то стремиться, учиться работать воевать, если вот оно – всё, что тебе нужно? Руку протяни, пожелай и возьми. Для полного счастья не хватает немного любви. Но слишком много пустого, свободного времени. А пустота всегда и везде стремится к наполнению. И вот уже любви слишком много, переизбыток. Любовь – сорняк. Ей и дурными привычками зарастают недавно несвободное рабочее время и некогда кичащееся величием цивилизации пространство. Отпала нужда скрывать примитивную сущность. Мы – прожорливые и похотливые животные. Цивилизация держалась на тонком, ржавом гвоздике, имя которому – глупейшая фраза «Я круче». Сбылась мечта идиота. Пресытились. Апатия и лень схарчили человеческое стремление к превосходству. Не успели оглянуться, нас рассеяли по вселенским зоопаркам. А в нашей колыбели другие виды толкаются и дерутся на лестнице, ведущей к трону. Не прилетели захватчики, не поработили нас. Мы обзывали их чужими. А они живут воспоминаниями о нас, стремясь дописать, дожить, долюбить вместо нас. Бывшие цари природы, мечтавшие о власти над сотнями звёзд, устали и деградировали. Представилась сценка. Король швыряет корону на пол. Придворные бурно дискутируют, а была ли под короной голова? То, что с лёгкостью свело на нет человечество, оказалось полезным и добрым для остальных народов. Почему? Неужели мы не были готовы к райским благам?

И вдруг в голове тихим бархатным баритоном прорезалась посторонняя мысль: «Здесь я принёс себя в жертву, а потому всем хорошо. Чужие сущности роднее и ближе самых родных. Я лишён тела – плоти, но дарю воплощение и хлебу насущному, и доброте, и любви. Смысл при-

сутствует даже там, где отсутствует логика. Да, мой друг, без распятия никак, – воплощение с лёгкостью читал мои несформированные мысли, торопясь скорректировать их, – вопрос лишь в том, как наши жертвы отзовутся. Одни с благодарностью примут и любовь, и хлеб насущный, стремясь спасти и приумножить добро. Иные будут наживаться на наших лишениях, обращая божьи слёзы в рыдания простых смертных. А те, не в силах вечно верить, накапливают усталость и злобу, передают их по наследству. И дальше дары карают. Земной исход. Ну, да ладно, к философским проблемам мы ещё не раз вернёмся. Давай, как изъяснялись твои земляки, „погугарим за жизнь“. Веришь в любовь с первого взгляда? Чувствую, что не очень. Так вот, она рядом. Не упusti. На прощание открою ещё один малюсенький секрет. Живой, одушевлённый разум способен неосознанно исполнять самые невероятные просьбы. Твоя новая знакомая по многу раз в день слышала: „Маша, будь человеком“. И, как видишь, стала. То, что дзыгу признали её соплеменницей да вдобавок наследной принцессой, подталкивает тебя хотя бы отчасти воплотиться в дзыгу. В чужую шкуру тоже можно влезть по-разному. Реплику „Да унизься, и ты возвысишься“ принимаю с поправкой на незначительную неточность – роль повара и официанта несколько меня не унижает. Задача бога – дарить счастье и радость как собственным созданиям, так и их братьям и сёстрам. Да и чревоугодие для меня ни грех, если, оно не чрезмерно. А теперь насладись пищей телесной и духовной». – И голос в моём сознании умолк. Его место снова заняли вкусы, ароматы, звуки и краски. Выходит, земные люди не потянули, не сумели правильно распорядиться ни дарами небесными, ни муками. Интересно, а я сдюжу? Я повернул голову к дзыгу. Девушка вглядывалась в чернеющую пустоту.

– По-моему, это и есть конец света, когда родная звезда хоть и приближается, но ни света, ни тепла больше не дарит. При этом судьба безудержно катится в никуда, транжиря последние остатки надежд и здравого смысла. Но тогда как понимать страшный суд? Будет ли он? И что останется после вердикта? Для чего?

– Обязательно будет. Кого-то он приговаривает к счастью. А кто-то с драгоценной ношей не справится. Или пупок надорвёт, или разобьёт, расплещет. А бывает, как в той басне про лису и виноград. Скажи лучше, у вас там скоро красотища начнётся? Кувшинки, спасая вас от белого солнца, заволочут небо от края – до края. Тени белые и зелёные. По книге помню. Счастье. Ты дома. И там тебя ждут.

– Не поверишь, у красивой медали есть бытовая сторона. Как минимум четыре месяца ни один летательный аппарат не посмеет ни взлететь, ни приземлиться. Кувшинки на Зодиаке – основа жизни. На их восхождение не покушаются не только червь, рождённые ползать, но и птах, имеющие крылья от природы. Мне то что? Я буду дома. А другие участники конференции? – Принцесса взглядом указала на путника, сидящего перед ней. – Как в песне Виктора Цоя: «Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна. И не вижу ни одной знакомой звезды». – Она небрежным движением капризной зазнайки смахнула слезинку с тёмной щеки.

– А помнишь, у него же есть и другая песня, которая заканчивается великолепной формулой «Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать».

– Умеете вы всё-таки интриговать! – Халфлинг снова повернулся в нашу сторону и подмигнул. – Один в один Гриша. Бывало, сходилась наша классная команда с бойцами из школы по соседству на футбольном поле. Отъявленный хулиган и мошенник Гриша по прозвищу Пассатижи, ребята сокращали Паса, часто демонстрировал спортивное благородство. А иногда, когда считал нашу команду заметно слабее своей, и вовсе переходил на нашу сторону. В любой драке он защищал хилую сторону. А прозвищем обязан борцовскому захвату, из которого на моей памяти не вырывался даже Гришин учитель по физкультуре. Его родители переехали из Абхазии задолго до появления единственного сына. Пассатижи был своим парнем, хоть и непохожим на нас. Сейчас бы он точно получил кличку «Халфлинг».

– У тебя много записей Виктора Цоя? Биография, интервью, письма?

– Я богатенькая на всякую всячину. Фильмы, концерты в голографической записи, книги, озвученные и бумажные. Более сотни редких рукописей. Картины, принадлежащие кисти многих поэтов и композиторов. Жизни не хватит изучить мою коллекцию. Работы выше крыши! – Ребром ладони резко скользнула по горлу. – Тогда на ностальгию тратить не придётся. Ой, нас приглашают занять места в шлюпках. Мы приехали. Жаль, ты не с нами. Бог даст, свидимся.

Мои хорошие попутчики не спеша потянулись к шлюпочной палубе, оставляя меня один на один с новой книгой и новыми переживаниями. Кто я? Куда еду? Почему один, вечно один? Мог бы вынашивать чужих личинок, стать пиратом, поучаствовать в научной конференции, жениться на принцессе. Но вместо этого я стремлюсь на родину сифилиса, которую не видно ни в один телескоп, которой нет ни на одной звёздной карте. Что меня туда тянет, какая пропасть? Зачем? Вернусь ли обратно? Но делать нечего. Открываю сочинение самой очаровательной девушки во Вселенной, погружаюсь в её переживания, грёзы, иллюзии, надуманные заблуждения и потерявшие голову пороки. Я во что бы то ни стало научусь магии ароматов. Я смогу ответить ей нечеловеческой взаимностью. Язык танцев, сверяемый с солнцем, освоить сложнее. Почему бы не рискнуть? Но прежде надо понять, вникнуть, из чего сложен её внутренний мир. Найдётся ли в нём и для меня место.

В глаза бросается скромное предисловие, чуть меньше странички.

«Сейчас передо мной открываются двери в земли Скопища Дзыгу. Что меня тянет туда? Зачем? Вернусь ли обратно?» – минуту назад я вопрошал о том же. Вымышленной товарке, напротив, суждено было остаться среди монстров, зачастую пьяных и злых.

И заканчивалось вступительное откровение совсем уж мрачно.

«Дорогие мои люди, я успела вас полюбить со всеми достоинствами и недостатками. Я с радостью бы осталась с вами. Но остаться с тем, чего больше нет, значит признать себя мёртвой». И подпись: «принцесса Дзыгу Дзей-Со, представительница земной цивилизации».

Под датой несколько бугорчков. Нажал и почувствовал, как зелёно-белый дракон небесных кувшинок всколыхнулся над головой. Облака пылью сползают с его оживших крыльев. Буквы первой главы воплотились в речь движения. Включился эффект присутствия.

Повествование началось со второго визита Алекса Романова к Сей-Со. После предыдущей встречи миновал месяц. Бывший капитан звездолёта и сам был вынужден серьёзно заняться здоровьем в условиях стационара. И, как назло, доктор Ватсон не посетила его ни разу. Вот и сейчас она холодно и сдержанно поприветствовала Алекса в госпитальном холле.

– Пациентка практически восстановилась, и я надеюсь, к концу недели можно будет серьёзно поговорить о её выписке. Сей-Со официально отказалась от моих услуг. Дорогу к её палате помните? Если забыли, вспоминайте не спеша. У неё посетители.

«Новость и «неожиданность» для Алекса синонимы, несущественные факты. Он соскучился по кораблю, по экипажу. У пчёлки гости, вот это интересно.

– Кто? – Только и успел спросить Романов. Дженни уже развернулась, чтоб уйти. И продолжать диалог демонстративно не собиралась. Он ухмыльнулся равнодушно.

Ватсон небрежно бросила через плечо, подмешивая в нейтральный голос тошнотную брезгливость.

– Девочка с вашего корабля, боец-мастер, Ким, кажется и этот, – она, не договорив, стремительно удалилась. Но на встречу двигался другой человек.

Алекс знал его дважды. Телесная оболочка Поля Лурье изменила походку. Движения то ли утратили, то ли ещё не обрели уверенность и согласованность. К новенькому футляру непросто привыкнуть. Мечта сбылась и отдавалась нескончаемым потоком ощущений, по большей части неприятных. Эдуард Горлицкий получил тело, сильное, сложно организованное. И теперь учился им управлять. Это оказалось изнурительнее, чем думал. В кристалле разум обделён, но свободен. На главного героя сумрачно надвигался замученный раб чужой,

выпотрошенной, вывернутой наизнанку физиологии. Поравнялись. Горячо пожали друг другу протянутые руки.

– Две шпионки встретились, и им не терпится нащелбаться. Нам тоже предстоит простой разговор. Предлагаю разбить его на две части. Сначала, не откладывая, введу тебя в курс дела. Только давай отойдём в сторону. Боюсь, за дверью нас услышат. Я Борис Кросс. Прошу старое имя забыть. Пока я был не я, немного гостей посещали мой мир. – Он выдержал хитрую паузу и, оглянувшись, продолжил. – Тебе и Ким я могу доверять. Вы оба рисковали, чтобы помочь мне. Вы не предали. И я в долгу не останусь. Про доктора Ватсон забудь. Она по-прежнему увлечена клоном. К тому же, и он уже ни тот. Зачем ты отдал ему моё снадобье? Бедняга поверил, что может любить по-настоящему. Скрипичные концерты в её честь даёт. Ведь неспроста они так долго вместе работали. Что-то их притягивало. – Борис Примерил лукавую улыбку. Не подошла.

– А ты немного порисовался, раскрыл сложное преступление и заработал вспышку симпатии, всего лишь минутное увлечение. И минута взаимности давно истекла. Шерлок Холмс опасен для тебя как соперник, продолжающий вести следствие. Доктор Ватсон – его агент и помощник. Её равнодушие прими как благо.

Я на досуге пораскинул мозгами. И пришёл к выводу, что мы ничем не хуже знаменитого сыщика. Приобрёл пару курительных трубок из вишнёвого дерева, набил заранее табачок. Так что давай, присядем, закурим. Тем более, следующая новость лишит тебя устойчивого положения.

Госпиталь окружали реликтовые растения. Целый парк, сообщество причудливых деревьев, кустов, трав и ещё неведомо чего. Вьюнки, собранные в густые сети, перемещались, слабо потрескивая и перемигиваясь голубовато светящимися листочками. Один такой коврик расположился на ветвях двух белоствольных дубов и трёх местных собратьев чёрной смородины, укрывая от посторонних глаз изящно кованую скамейку. Там они и расположились.

– Звукоизоляция нам обеспечена. Продолжим. Спецслужбы на Зодиаке неустанно укрепляют боевую готовность. Они цепкие, мобильные и ловкие. Нам не удалось далеко убежать. – Печальная гримаса не удержалась, сползла с лица говорящего. – Разоблачили и взяли с полочным на самом интересном месте, когда сознание одного негодяя влилось в плоть другого мерзавца. Ким билась за меня до последнего, как медведица за своего медвежонка. Её скрутили. И кто знает, чем бы дело кончилось. Но выпросил я последнее слово, в котором недвусмысленно дал понять, дескать, знаю, как полностью восстановить чужую особь. Сам понимаешь, не так уж сложно. Помнишь, как тебя собирали? Дали поработать, не дожидаясь, пока в себя приду, пообвыкнусь в реальной жизни. Выяснили и спецификацию Ким. Поделались подозрениями относительно якобы светской прогулки двух дзыгу по нашей территории. Спросили мнение Ким. А та, недолго думая, заявила: «Готова к внедрению». Зей-Со оказалась не на шутку живой и своенравной госпожой. Принцесса разочарована в компаньонке. Не уберегла, не защитила. И в качестве новой товарки выбрала, как думаешь, кого? – Он выпустил ажурное колечко дыма.

– Неужели Ким? – Я схватил ртом парящий сизый бублик и чуть не поперхнулся крепким дымом. – Их скоро обменяют? Известно, кому это выгодно? Разведка ликует.

– Совершенно верно. Таким образом, мы получили право на жизнь и новые инструкции. Девочка больше нами не интересуется. Появилась новая цель и новые интересы. Но нас тоже есть с чем поздравить. И у тебя, и у меня правительственные контракты. Такого крутого жалования и на Геральдике быть не может. – Ещё несколько минут мы молча курили. Пока Борис Кросс не подытожил. – Сей-Со нас нанимает. Обсудим вечером, а сейчас пойдём, хозяйка ждёт.

Чёртик на моём плече плакал. Внезапно без осознаваемых переходов меня пленил сон, глубокий и сладкий, с силой настоящих детских снов. Я выключался из яви одновременно и Алексом Романовым, и Фобосом Глюком. Только в отличие от маленьких тобо не поймал пер-

сонального продолжения сюжета. Долгое, головокружительное падение в истошно вопящую бездну. Сплошной душераздирающий шум постепенно распадался на голоса. Давно позабытые люди, собаки, кошки, голуби и вороны прощались со мной, просили прощения. Странное дело, но их всех я когда-то любил, искренне. Одни удостаивались робкого уважения, другие иронии и сарказма. Но сейчас они всплывали из подсознания, с внутренней стороны априорной памяти.

Старые, запылённые эмоциональные следы выталкивали милые сердцу образы, чтобы навсегда уйти вместе с ними. Речи разных персонажей заканчивались одинаково: «Меня в тебе больше нет». А вот старца в рясе я точно никогда прежде и позже не встречал. Сценарист морока.

– Их и правда, больше нет. А те, кто станут представляться ими, хотят одного – твоей крови. Что смотришь так пронизательно? Не веришь? Почему? Разве я лгун?

– Да как же в такое поверить, отче? Бред какой-то, и только! – Я попятился прочь.

– А ты войди в светлый храм и уверуй. – Указывает сучковатым посохом на резную дверь.

Вхожу. Стены и потолок расписаны, точно тонкой паутиной, собраниями небесных светил, больших и малых, ярких и почти незаметных. Поверх них – замысловатые знаки, причудливые формулы. Предательски врывается в душу скользкое сходство с православным храмом. Распятая. Иконы. Огоньки на свечках трепещут, юными листочками, не успевшие налиться зеленью. Только живые светильца не тают и воском не слезятся. А на иконах вместо Бога и Святых Угодников пауки с моими лицами. И распят я, но не на кресте, как Иисус, а на колесе тележном. Ось со стороны спины в позвоночник глубоко всажена. Крутятся колёса, скрипят и стонут. Проливаюсь взглядом по святотатственному безобразию.

– Зачем я здесь? Дай мне уйти с миром. – Кошусь беспомощно на грозного старца.

– Уйдёшь, коли не передумаешь. Но сперва поделись правдой, ползущей по жилам с образами. Видишь, как без тебя обескровили.

Хватаю с алтаря кривой, грязный тесак. Собираюсь с размаху царапнуть по руке. Красные густые брызги разлетаются по храму. Но не марают, не оскверняют его. Напротив, ярко алым сеянием насыщается сам присутственный воздух. Всеобщее победное ликование. Распахиваю глаза и с радостью осознаю: слава Богу, проснулся. Разбудил меня пожилой сухенький интеллигент брауни, положил верхнюю конечность мне на плечо и мимоходом поправил яркость на сигнальном табло. А оно оповещало о скорой выброске в Ожерелье Цирцеи – устаревшее, яркое прозвище системы Троя.

– Как шутил один мой знакомый землянин: ваш ангел хранитель летит зайцем. Чуть не проспали. Крайне редко рейсовые лайнеры делают здесь остановку. А пассажиров из Ожерелья подбирает ещё реже. Лет пять назад ваш Одиссей с друзьями отсюда возвращался. А больше и не припомню. – Старичок сморщился в потёртую гармошку, саркастически подчёркивая умственное напряжение. – Точно.

– Лет пять назад? Новый миф! – Я удивлённо вытаращил глаза. – Это розыгрыш?

– Вы успеете умыться и слегка перекусить перед посадкой. Среди звёзд есть добрая сотня аналогов чаю и бутербродам. Познания хорошо утоляются вместе с обыкновенной жаждой и голодом. Возвращайтесь, а я пока стол накрою.

Через несколько минут он продолжал.

– Видите ли, время не для всех и не везде течёт одинаково. Оно избирательно. Для вас и ваших соплеменников в данной части Вселенной минуты замедляются, а в системе Троя и вовсе способны остановиться.

– Античный герой что-то успел рассказать об изобилующем приключениями славном походе? – Я очень надеялся на исчерпывающую и внятную информацию.

– Он очень многое поведал. У пролетающих тем рейсом братьев по разуму сложилось впечатление, что ребятам не терпелось основательно присесть кому-нибудь на уши. Жаль, я не

самый понятливый. Разобрать получилось следующее: три звезды поочерёдно восходят, и каждая приносит свои неприятности. Цирцея олицетворялась у них как очаровательная девица, хладнокровная, способная превращать юношей в ослов, то есть одурачивать. Импуса – коварная растлительница, ведущая к гибели. И Геката – самая тусклая серая звезда – безумная бабка, пугающая страшными сказками и пьющая кровь. Больше половины соратников Одиссея не справились с искушениями, позорно сгинули. Давай на чистоту. Ты ведь ни об этом хотел спросить, да почему-то не решаешься?

– Как этим практически диким воякам удалось преодолеть заслоны, запреты и прочие тернистые преграды, чтобы вернуться, а продвинутые мудрецы остаются там навсегда? В чём фишка? Сумею ли я воспользоваться его счастливым опытом?

– Земная метафизика распалась на ряд наук. А у нас представление о природе вещей разделилось на всестороннее изучение каждого явления. Я люблю время, интересуюсь им. Благодаря этому продлил свою жизнь как минимум втрое. И спас множество чужих жизней. Если в этом месте твоё время останавливается, то через пятьдесят шесть суток, когда корабль пойдёт обратно, ты должен очутиться в этом же кресле. Моя же задача проследить, чтоб кресло было свободным и вовремя прогнать сон, устроить блаженное пробуждение здесь, а не там. Вознесение возможно, пока корабль не покинет систему трёх звёзд. А багаж и одежда останутся аборигенам. Вещи плывут независимо в другом временном потоке. Желаеть дочитать книгу? – Я кивнул. – Оставляй, на обратном пути верну.

Глава 3. Почти как дома

Капсула как бы невзначай, между прочим, сообщила, что космических портов на планете моей высадки нет и в ближайшие сто лет не предвидится. Над поверхностью идёт грязный дождь, опасный для моего здоровья. По такому восхитительному случаю «арктурианская маршрутка», так межзвёздные странники за глаза дразнили данный вид транспорта, дарит мне надёжный защитный костюм и желает благополучного начала новой жизни. Аппарат завис, слегка покачиваясь, примерно в метре над пышным злаковым полем. Хладнокровно дождался, пока я переоденусь. Мягко уронил меня. И не спеша провалился в пёстрое небо. Я приземлился удачно. Немного подвёл тяжёлый рюкзак. Из-за него меня хорошенько встряхнуло так, что я едва не сел. Грязный дождь обваливался распушёнными хлопьями, разбухшими и дурно пахнущими, походящими на ошмётки разлагающейся некогда живой плоти. Они растворились на защитном костюме, бесследно стекая вязкой омерзительной слизью. А на первый взгляд безобидные растения со змеиным проворством хватили на лету извращённую манну небесную и с жадным хрустом колосками, стеблями и листьями поглощали.

– Доброе утро! Документы с собой? Предъявите, пожалуйста. – Невероятно, только приземлился, но узнал голос. А потому ответил дружелюбно, не успев обернуться.

– Здравствуйте, капитан Соловьёв! Конечно, секундочку. – И, забыв о предосторожность, стал расстёгивать костюм. Паспорт покоился во внутреннем кармане пиджака. Добраться до него было ох как непросто, да и не получилось.

– Только не здесь. Пройдёте в машину. – Он культурно распахнул передо мной заднюю дверцу жёлтого советского «Москвича». – А мы разве знакомы? Конечно, за капитана спасибо, но я пока старший лейтенант. Странное явление природы эти наши дожди. Как мучилось человечество, пока специальную краску не изобрели. Слышали про то, что милицейские машины стерильные? Чистая правда!

– Не поверите, ни про грязные дожди, ни про дезинфицирующую краску никогда раньше не читал и даже не подозревал. А вот вас хорошо знаю. – Протянул ему паспорт. По привычке застыл в немом ожидании. Сейчас с наилучшими напутствиями вернут документ, попросятся и, вероятно, предложат подвести. Вот только куда? Но не тут-то было.

Лейтенант пролистал документ. Пристально взглянул мне в глаза. Взгляд у него добрый, сочувствующий, калибрующий, просеивающий тайны, отделяющий их от баек.

– Угощайтесь. – Протянул пачку сигарет. Знакомое слово «Космос» изображалось латинскими буквами с тремя «s» на конце. – Дядя из Прибалтики прислал. Держу в бардачке на особый случай. Я сейчас. Окошко откройте. Дождик кончился. Наслаждайтесь. Табачок что надо!

Соловьёв выскочил из машины. Вплотную приблизился к группе товарищей, что-то бурно обсуждающих. И я внятно услышал:

– Полюбуйтесь, какого инопланетянина мы поймали.

Удостоверение личности Фобоса Глюка пошло по рукам. Блюстители порядка по-деловому высказываются.

– Фобос Глюк. Из Латвии или Литвы, скорее всего. Там точно есть похожие имена.

– Да, на грека он совсем не похож. Нет. Сумасшедшая пометка – «Гражданство галактики приостановлено на время пребывания на планете СССР». Пряхин, что скажешь? – Подоспел персонаж плотного телосложения в тройке песочного цвета.

– Паспорт фальшивый. Страницы из тонкого полимера с вшитой микросхемой. Как бы не смежники подтрунили. Они ordinarily бравируют новомодными капризами.

– Ладно, Соловьёв, вези его в отделение. А там посмотрим, кто кого разыграл.

Лейтенант вернулся. Прочитал в выражении моего лица: «Начальник, я суть уловил. Объяснять не надо». Решил подержать интригу. Ворчливо по-стариковски заурчал мотор. Сухое поле ползло назад, точно выпихивая нас прочь.

– Месяц назад положили асфальт. Укатали. Как зеркало стал. Автомобилисты нарадоваться не могли, их подружки – налюбоваться своими отражениями. И вот тебе на – кочки, ухабы. Дождик кушает и людей, и дороги, по которым они ползут. А у вас, в галактике, с дорогами лады? – Вскользь глянул на меня, не спугнул ли.

– Я на Земле матушке прыть продышал. Там у людей те же дороги и те же ходоки.

– А это разве не Земля? Приедем, покажу атлас. На всей Земле социализм победил. Одна страна на пять континентов. Нет врагов. Некого бояться. Здорово, а! – Проверяет. И уверено мнит себя хитрецом и тонким психологом, дипломатом.

– Не сомневаюсь, люди у вас хорошие, потому что счастливые, – твёрдо ответил я.

– Так-то оно так, но и нам татей девать некуда. – Он указал на тротуар с моей стороны от дороги. – На остановке народ толпится. Автобус пропустили. Следующей двойки не меньше получаса ждать. Воровку задержали. Рецидив у девушки. И на поруки её брали, и из института отчислили, продолжает кошельки у старушек выуживать. Думаю, её, бедную, лечить надо. Общество не перевоспитает.

Прошли через шумный милицейский двор, мимо дежурного у входа, по мрачному коридору с моргающими длинными лампами дневного света. Облупленные стены. Синий крашенный низ, белый белёный верх. Стёршийся до бесцветности пол. Ряд облезлых кресел, возможно, изгнанных из актового зала. Попросят час-другой повременить. Вполне себе земная идиллия. Может, и не улётал никуда? Тоскливо.

– Немного подождите. Вас позовут.

Сбылось. И когда зевота вошла во вкус, веки сладостно налились сонной тяжестью, меня окликнули. Ещё раз спросили, кто я и откуда. Показали настоящий документ с фотографией и пропиской. Сказали, что мой советский паспорт должен выглядеть примерно так. Я, естественно, без утайки изложил в сжатой форме историю предыдущей жизни. После чего вся компания милиционеров дружно перешла на «ты». Чутьё подзадоривало, могут запросто поколотить. Безукоризненное домашнее зачисление чуть загулявшего космонавта.

– Ну почему же вы мне не верите? Кто, как не советская милиция, помогает людям!

– Лично я тебе верю, – вступил в разговор Дубченко. Он, как и в кино, самый добрый в коллективе. – Вот, скажем, профессор Преображенский жизни спасает, органы пересаживает. Не удивлюсь, если сознается, что он гражданин Вселенной.

– Филипп Филиппович, что ли? – Булгаковский образ зашевелился в моём мозгу. Пришлось назвать его по имени, лишь бы отстал. Устал с перелёта, сказывалось.

– Да и я тебе поверю. Но предоставь доказательства, раз в милицию попал, – вмешался капитан Жолобов. – Прикид у тебя не наш, конечно. Но штаны, туфли и куртку ты мог на рынке добыть. Там и не такое добро всплывает. Но должно быть ещё что-то, способное нас убедить. Думай активнее, брат, пока шанс не упустил.

Точно есть. Порылся в рюкзаке и с самого дна откопал планшет.

– Таких совпадений природа не производит. И несмотря ни на что, откуда я тебя знаю? – Обернулся к Соловьёву. – И его, и его. А ты, кстати, Пряхину чирик когда отдашь?

– И не говори, твоя правда, больше года ждал, – подал голос Пряхин. – Ну, хорош интриговать, показывай, что там у тебя за компромат на нас. Доставай козырь.

Включаю. Слава Богу, работает, и зарядки ещё часа на четыре хватает.

– Сериал про вас, два сезона. Совпадают фамилии имена, лица, смотрите, мужики.

– Давай так. Ты сейчас сядешь и напишешь нам, как оно было. А мы твоё кино посмотрим. Вот тебе бумага, ручка. Показывай, как твой телевизор включается.

Первым отреагировал Соловьёв. Он не на шутку взволновался, нажал на «стопы», не досмотрев до конца первую серию. Лицо покраснело. На лбу испарина блестит.

– Мы этого маньяка поймали, ещё месяца не прошло. А вы уже кино про нас сняли. Лихо работаете, ребята! Уважаю. Можно мы ещё посмотрим? Интересно же.

Показал, что делать, когда сядет батарея. Объяснил алгоритм владения камерой и плеером.

– Не возражаешь, если я для расследования твою игрушку применю?

– Да на здоровье, не жалко подарить. Вам в работе нужнее. Жаль, личные файлы не удастся на другом носителе сохранить. Смотри, главное, там, ничего не удаляй.

– Хорошо, друг, сохраним. Захочешь освежить память, придёшь и всегда возьмёшь.

– А ну-ка, что ты тут налепил. – Котов пробежался глазами по моей объяснительной записке. – Вот это плюс, это, – бросил на стол мой паспорт, – на психушку тянет. Понимаешь, до конца твоих дней коммунизм в сочетании с лечебной дисциплиной. Паспорт спрячь подальше и никому не показывай. А сочинение на тему «С кем я провёл лето» новое напишем.

Смял лист с моими каракулями. Швырнул в урну.

– Пиши: «Заявление», двоеточие. С новой строки: «Не могу вспомнить, где и при каких обстоятельствах потерял сознание. Очнулся на овсяном поле в районе пивоваренного завода „Новая заря“. Документов при мне не оказалось. Имени и адреса своего не помню. Обратился за помощью к сотрудникам милиции. Прошу помочь восстановить мою личность и утерянные документы». Вот здесь сегодняшнее число, в правом нижнем углу подпись. Мы не слепые и не звери, заметили, человек ты хороший. И к правоохранительным органам относишься с уважением. Поможем. Дубченко, отвези человека в больницу и займись его делом основательно. Каждый из нас может запросто по голове получить. Сознание потерял. Очнулся. Ни денег, ни документов. И что ж прикажешь, помереть из-за какой-то сволочи? Нас ты, оказывается, хорошо знаешь, до мелочей. Про должок Соловьёва мне, его начальнику, неведомо было. Профессора Преображенского сразу назвал. А там, глядишь, ещё что-нибудь память подбросит. Жолобов утверждает, будто наблюдал за твоей посадкой. Забудем. Я так считаю. Стал нашим, живи по нашим законам. А нарушишь порядок, тогда и разъясим. Не поможет, накажем. А пока распогодится, отдохни.

В больнице мне сразу понравилось. Очень тихое отделение. Большая чистенькая палата. Одиннадцать соседей. Но кто в полусне, кто в забытьи. Двое, судя по телосложению, военные, в самом углу тихонько бредят. Из палаты во внешний мир два больших окна и балкончик. Через жиденький сквер проглядывается дорога. С виду обычные тополя и клёны удивительно смягчают и приглушают звуки. Пронесются мотоциклы, катятся автобусы и легковушки. Проползают тяжёлые грузовики и трактора. Как им и положено, с устаревшим советским акцентом грохочут, трещат, скрежещут и ухают. А уж как механические бестии копят. Но сглаживается копоть. Фильтруется шум. Ничего больше не раздражает. Полный покой и умиротворение.

Прохожу через три осмотра. Задумчивые доктора щупают голову, просматривают через оптику глаза, проверяют рефлексы. Задают вопросы с подвохами и ловушками. Отпускают в палату. Благочинного вида дедушка на соседней койке спрашивает, нет ли у меня табачку. Нашупываю в кармане пачку так и не возвращённого Соловьёву прибалтийского «Космоса».

Выходим на балкон. Воздух сырой и тяжёлый, без признаков упоительной свежести. Решётка снизу доверху. Ощущение такое, словно происходящие события придуманы и разыгрываются детьми, переодетыми и загримированными под их родителей. Стоит выбраться из клетки, и за поворотом встретишь будущего режиссёра. А он, расплакавшись, признается: суета, всё валится из рук. Неполодки одна за другой. Кондиционер безобразничает, не те потоки, ветром не назовёшь. Фонограмма запаздывает, да и звучит нечисто. Но нет, не так проста реальность. Напряжение и ложь пронизывают её. Безмолвие, и то какое-то нечестное получается. Молча дымим. Не о чем и не зачем растрчивать слова. Души устают, нуждаются

в покое. Царство настоящего покоя приняло меня и разрешило остаться. Надолго ли? Зачем? Какая опасность притаилась за чёрной дверью предстоящей ночи? Поживём – увидим.

Заходит медсестра, чужая и притихшая, сравнимая с тенью давно минувшего столетия. Дежурно заверяет: инструменты проходят тщательную санитарную обработку, заражение через них исключено. Необходимо, на всякий пожарный случай, уколоть прививку от грязного дождя в комплексе с витаминами и минералами. Колет. Анонсирует капельницу, безумно полезную для мозга. Процедура и её исполнительница гарантируют восстановление клеток головного процессора и мягкую стимуляцию их активной деятельности. Согласно киваю. Высвобождаю верхнюю конечность из-под плотного одеяла. И потекла по венам сила мысли. Забил фонтан гениальности на отчаянье и безысходность. Даже плохо развешенная и сложенная на стуле одежда медленно расплзается, разглаживаясь и обновляясь. Бред наяву, да и только!

Призрак в белом халате отсоединяет капельницу. Шепчет почти в самое ухо, что мне пора отдохнуть, а к ужину она обязательно меня разбудит. Не терпится приколоться и заработать пощёчину. Морок надо как-то разгонять. Осторожно, тяжело раненым бойцом привстаю на локтях. Мой ответный стон чуть ли не целует мочку её уха. Помеха тонкий локон.

– Девушка, милая, а вас не затруднит рассказывать мне сказки? Без сказок не усну.

– Ну, слушай. Далеко отсюда, на забытой богом планете, жил был...

Мой нездоровый каприз не привёл к желаемой адекватной реакции. Напротив, медсестра наклонилась и слишком по-матерински чмокнула меня в щёку. Бог сновидений Морфей, а возможно его здешний коллега, нешуточным рывком перетянул меня в виртуальное пространство алогичных грёз. Державший за руку эфемерный супермен изловчился было закрепить меня в специальных тисочках, ремешках и зажимах, дабы скрупулёзно разобрать на мелкие частицы и после незначительной корректировки сложить заново. Но лишь коснулся меня кончиками незащищённых перчатками пальцев, резко отпрянул. Пошёл волнами, будто представляли его по старому неисправному телевизору со слабой антенной.

– Простите, повелитель. Откуда вы здесь? Готов реализовать любое ваше веление.

– Сознайся, мне ничего не угрожает? – Я доверчиво полагался на его искренность.

– Нет, кроме вас самого, ничего. Призовите, и я не заставлю повторять дважды. Можете называть меня реконструктор. Нам вас очень не хватало.

Пробудился, недослушав, Нас часто отвлекают пустяки. Бывает, одновременно приходят долгожданная муза, и назойливая соседка за солью. В подобных неравных поединках всегда побеждает вторая по тому простому вечному принципу – ей ведь нужнее. Так вот от упоения новой властью отвлек меня глупейший вопрос.

– Как вы себя чувствуете? – Улыбалась медсестра синхронно глуповато и виновато. При данных обстоятельствах я не анализировал интонацию и мимику почти эфемерного, ирреального ветерка. Явление позиционировалось отвлеченно.

– Вполне сносно. Но будь у меня в запасе хотя бы минут десять, мои чувства к вам носили бы характер беспредельной страсти. – Отражение её эмоций окрасилось в краски восторженного недоумения. Вряд ли моя липкая чушь – предел её мечтаний.

– Пора ужинать. Сейчас вам принесут перловую кашу и чай. А вот это милиционер передал, ну, тот, который вас привёз сюда. Говорит: «Человек не должен чувствовать себя одиноким. Потеря памяти не смеет обернуться утратой интереса к жизни». Вот, держите гостинец. – Она протянула красную авоську, в которую попало три крупных яблока, апельсин, пачка печенья и литровая банка томатного сока. – И атлас. Вроде как он вам его обещал. Да, тут ещё сигареты. Я сперва решила выдавать по одной. Потом до меня дошла бессмысленность затеи, получите блок целиком. Их другой ваш знакомый передал. Но перед тем возьмём кровь на анализ. Из вены. Расслабьтесь.

– Но вы же говорили утром? – запротестовал я, понимая, что поспешность неспроста.

– Доктор потребовал не откладывать. Наш гражданский долг – немедленно вернуть вас в строй. Всё стерильно, опасаться нечего. Утром баночку с мочой оставите на тумбочке. И никаких забот. Вечером кушайте, что захотите, хоть мясо с салом.

Действовала она грамотно и натренировано. В другом месте и при иных обстоятельствах на одну порцию моей красной жидкой соединительной ткани извели бы куда больше времени, чем этот специалист на целый штатив. Когда последняя пробирка наполнилась, комочек ваты приклеился к пробойне. Лёгким движением согнула мне руку в локте, пожелав приятного аппетита, и выскользнула в коридор. Вместе с обещанной кашей и чаем принесли жирную сардельку и два больших бутерброда со сливочным маслом и сыром. В тот самый момент я ощутил, как зверски голоден. После сытного и сказочно вкусного ужина не последнюю роль сыграл тот самый приятно нахлынувший аппетит, я придался неторопливому аналитическому перекуру. Получалось, Мир, в котором я так внезапно очутился, – запоздалая искажённая копия потерянной навсегда колыбели человечества. Сей нехитрый вывод с лихвой подтверждался своевременно подвернувшимся атласом планеты СССР. Очертания материков и гор скопированы в точности. Названия географических объектов повторяются процентов на восемьдесят. Разница в этническом составе населения куда разительнее. Кто-то откровенно выбирал, кому жить на этом подобии Земли. Социально-политический строй один на всех. Удобно, если управление сосредоточено в одних руках, в одной голове.

И что мне это даёт? Да пока ничего, кроме желания выкурить ещё одну сигарету. Зажглись фонари набухшими каплями света на изогнутых столбах. Столбы, в отличие от земных, напоминали воткнутые в асфальт гигантские душки очков. Внизу зеленоватый и голубоватый свет скрадывался и искривлялся неверными тенями. Вверху он неровно отражался бугристыми облаками. Весь день небесный странники собирали, всасывали шум, копоть, пыль и грязь с твёрдой поверхности, чтобы за ночь переварить и вернуть этой земле грязным дождём. А пока тучки созреют до приземлённой тяжести, будут отбрасывать отражённое сияние группами причудливых иероглифов, титрами завтрашнего дня. После рассвета сегодняшние сплетни и миазмы превратятся в пищу для будущего пива, одежды и хлеба. Возможно, этот Мир задумывался как более доброе подобие нашего. Но что из этого вышло? Откроется ли завтра тайна неестественности здешней жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.